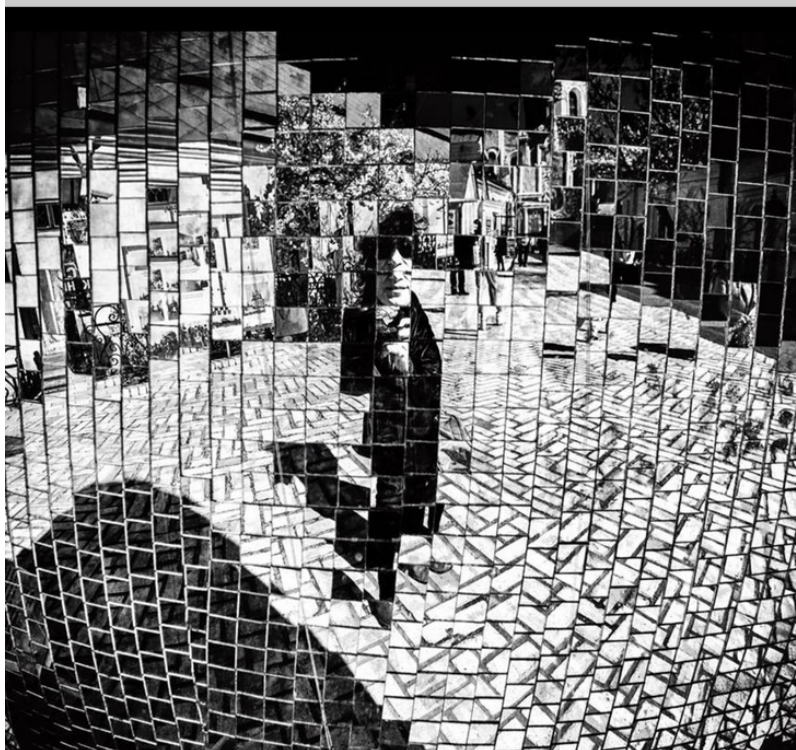

Михаил Непомнящий
Зазеркалье-2017

Стихотворения

Михаил Непомнящий Зазеркалье-2017. Стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27810555
ISBN 9785449005649*

Аннотация

Книга включает в себя стихотворения, написанные в последние тридцать лет. Расположение текстов в сборнике подчинено скорее тематическому, чем хронологическому принципу. Автор выражает признательность Татьяне Черкашиной за помощь в составлении и редактировании книги и Анне Маранц за разрешение использовать её фотографии в качестве иллюстраций.

Содержание

К читателю	7
Междуречье	10
Этюд	11
Пииту	12
В. Высоцкому	13
Велимиру Хлебникову	14
1	14
2	14
Елабуга	15
Доверься заповедным тропам	16
На смерть А. Вознесенского	17
Ушедшей	18
На смерть актера	19
1	19
2	19
3	20
Всё те же наши палестины	21
Поэту	22
1	22
2	22
3	23
4	24
Февраль	25

Письмо Татьяне	26
На риск напишешь	28
Валерию Исаянцу	29
Поэт	30
Музе	31
Разговор читателя с поэтом	32
Песенка про поэта	35
Слово мастера	37
Как Ли Бо	38
1	38
2	38
3	38
Зазеркалье междуречья	39
Поток сознания	40
1	40
2	40
Заречье	42
По мотивам Булгакова	43
По мотивам Булгакова	46
1	47
2	48
3	49
4	50
5	51
6	52
Продолжение романа	53

Эпилог	54
Былое и...	55
Поставь мне чёрную пластинку	56
Марина	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Зазеркалье-2017

Стихотворения

Михаил Непомнящий

Редактор Татьяна Черкашина

Фотограф Анна Маранц

© Михаил Непомнящий, 2017

© Анна Маранц, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-0564-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Любое лирическое стихотворение – это своего рода дневниковая запись. Однако, в отличие от обычной записи, далеко не всегда претендующей на роль художественного текста, поэтическое высказывание в гораздо большей степени отражает не столько событие, сколько связанную с ним эмоцию, не столько увиденное, сколько впечатление о нём, не столько прочитанное, сколько ассоциации, возникшие в процессе

чтения. То есть отражение это отнюдь не зеркальное, а скорее уж – зазеркальное, искажённое и преобразованное авторской картиной мира, его темпераментом и эмоциональным состоянием – вещами эфемерными, не поддающимися точному описанию и измерению, но составляющими в конечном счёте то, что обычно принято именовать «сознанием», «душой».

Невозможность пересказа души утверждается не в одном литературном произведении. Достаточно вспомнить известное стихотворение Тютчева «Silentium!»:

«Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живёшь?
Мысль изреченная есть ложь»

или риторический вопрос-утверждение, вложенный Лермонтовым в уста героя «Мцыри»: «А душу можно ль рассказать?».

Тем не менее все, кто пишет лирические стихи (и в первую очередь сами упомянутые здесь великие лирики Михаил Юрьевич Лермонтов и Фёдор Иванович Тютчев), именно этим и занимаются всю свою жизнь.

Особенность (и обособленность) лирики заключается в том, что она, подобно дневнику, пишется автором прежде всего для себя, чем и обусловлена её откровенность и исповедальность. Но в перспективе любой поэт предполагает существование читателя («собеседника» – по Мандельштаму), и не просто читателя, а того, кому будут понятны его, поэта, размышления и переживания.

Таким образом, любой поэтический сборник представляет собой своеобразный дневник (двойник!) его автора. И главными функциями такого лирического дневника являются фиксация и передача рефлексии пишущего, иными словами, «рассказывание» его души неизвестному, но взыскуемому собеседнику.

Данная книга в этом плане не является исключением. Её автор надеется, что среди читателей найдутся близкие ему по духу и мироощущению «собеседники», которых не оставят равнодушными его мысли и откровения.

Междуречье

Ana Marantz

Этюд

Ворона каркала,
икала
лисица сытая,
Икара
ждало парение и кара,
Кастальский ключ
стекал со скал
и напоить кого искал;
пространство крыльями листая,
летела в небе птичья стая,
и солнца диск, еще блистая,
катился к морю,
жаркий день
клонился к вечеру,
Эллада
тяжёлой гроздью винограда
в века отбрасывала тень.

Пииту

Мели, мели, Емеля, —
намелешь нам вестей.
На месте и при деле
язык твой без костей.

А мельник ты умелый —
и мук полны кули.
Мели во все пределы,
во все концы земли.

В. Высоцкому

(Песенка)

Горлопан и рифмоплёт,
скоморох и лицедей —
так за что тебя народ
чтит превыше всех царей?

Не светило, не святой,
не расстрелян, не распят —
отчего же голос твой
из палаток и палат?

Не кончается кино,
над страной хрип да стон,
видно, лишь тебе дано
петь с Россией в унисон.

Велимиру Хлебникову

1

Твори, творец, себе кумира —
пусть до скончания времён
пребудет имя Велимира
среди именитейших имён.

2

Творец творенью дар творильный
совсем не даром подарил:
покорный воле подарильной,
поэт судьбою оплатил
сполна
безмерную раздарность
и запредельный беспредел,
но одарённость не у дел —
в уделе при делах
бездарность.

Елабуга

«И терзали Шопена лабухи...»

А. Галич

Взгрустнёшь под пенье лабуха:

«Мой милый, что тебе
я сделала?».

Елабуга!

Покорная судьбе —

Марина непокорная,

в твоей земле покой

нашедшая,

нагорная

уснула под горой,

где Гефсиманской рощею

лес навевает сон,

и ангел доморощенный

лабает свой шансон.

Доверься заповедным тропам

Доверься заповедным тропам —
они выводят напрямик
туда, где бледную Европу
елабужский смущает бык,

туда, где круча и кручина,
где «боль, как прежде, глубока»,
где мёрзнет в августе Марина
и стынет, точно речь, река.

На смерть А. Вознесенского

К мирам иным (анти-, скорее)
вознёсся непокорный сей —
уплыл в страну гипербореев
последний наш гиперборей.

Ушедшей

*Марина Чащина, публиковавшаяся на сайте
Стихи.ру*

*под псевдонимом Евдокия Дозорная,
скоропостижно скончалась вечером 23 марта
2011 года в возрасте 35 лет*

Ушла ты, резкая, как «нате»,
ушла ты, тихая, как вздох,
не при параде, а в халате —
а чем халат домашний плох
на этот (и на всякий) случай
(не по одежке провожать)?
Ты, дух мятущийся, летучий,
ты, чья распахнута тетрадь,
какие видишь нынче зори,
в какое смотришься окно,
в каком стоишь теперь дозоре,
с какой Мариной заодно?

На смерть актера

1

Вершины?

Ты успел их покорить.

Но ныне пред тобой – не те высоты.

И, выйдя за «Покровские ворота»
как будто только трубку покурить,
иные зришь врата?

А старый Пётр

на входе плату чем, скажи, берёт?

Иль юзернейм ему подай, а с ним – пассворд?

А впрочем (не посетуй на ремарку),
с тебя он, верно, слупит контрамарку.

2

Покойники покойны и покорны —
пускай молва вершит свой поздний суд,
но фильмы (без эффектов и попкорна!)
идут,
и отдыхает Голливуд.

3

Взамен турусов и колес
сложивший руки на груди,
упавший колос – все ж колосс,
в какую землю ни клади.

Всё те же наши палестины

Всё те же наши палестины:
пророк пророчит – ветер носит,
плывёт в тоске необъяснимой
в ночном кораблике Иосиф —
над замерзающей Невой
в иные время и пространство —
безвестный, юный и прекрасный,
один,
без свиты,
без конвоя.

Поэту

(Тане Пешиковой)

1

Богу, Таня, – богово,
лету (Лете!) – летово,
а тебе – набоково,
блоково и фетово.

Осень.
Хмуро.
Муторно.
Одинокó бродим мы:
городом ли, хутором —
и повсюду – Болдино.

2

*«Отравлен хлеб, и воздух выпит...»
О. Мандельштам*

Не вспоминая о верлибре

и крылышка, как колибри,
на рифму нижешь жемчуг строк.
Но, улетаю дальше, выше,
всё тяжелей и чаще дышишь
тем, что украдено не впрок.

И, задыхаясь, в стратосферу
летишь навстречу Люциферу,
земных не чувствуя вериг.
Крылом по тверди льдистой пишешь
и учащенный пульс свой слышишь,
и – ястреба осенний крик.

3

*«...произнесёшь растерянно: Шалом...»
Т. Пешкова*

Шабат шалом (воистину, шалом),
хоть выноси святых, хоть заноси,
земля твоя, что скрылась за холмом
(за шеломянем, так сказать, еси),

так сокровенна, как твоя строка,
так тяжела (тяжеле всех вериг) —
меня берёт в полон, как языка,
и помывает мною, как язык.

4

Не гадай на кофе ли, на воске,
не считай надсадное «ку-ку»,
не лови в далёком отголоске,
что случится на твоём веку.

Притулясь к менту ли, к монументу
(косяками полнится тетрадь!),
жизнь увидишь, словно киноленту,
Господом прокрученную вспять.

Февраль

Не в бровь, а в бронхи – лют борей,
знобит,
кручины да болезни
разнообразные полезли,
как тараканы из щелей.

Февраль, горчащий, как микстура,
заполонил, наполнил дом,
и поползла температура
под мышкой вверх,
вниз – за окном.

Теперь – чернил достать и плакать,
и, словно парий записной,
пить из горла,
и Пастернака
открыть как выход запасной.

Письмо Татьяне

*«пытаясь новой строчкой уравнивать —
глагол несовершенный с совершенным...»*

Т. Пешкова

Говорят, не плюй в колодец – пригодится,
не с лица же, в самом деле, пьют водицу,
но коль выпало в империи родиться,
лучше, Таня, жить подальше за границей

да не зреть родных вождей и вертухаев,
не затягивать ни галстука на вые;
говоришь, что дураков везде хватает,
но чужие дураки – они чужие.

.....

Приезжай-ка, Таня, в наши палестины,
посидим в кафе под вечер над заливом,
будем есть с тобою скользкие маслины,
запивая их холодным светлым пивом.

Здесь вблизи от моря вечером привольно,
прочищаешь душу, голову и бронхи,
и шипят, как «Ш», накатываясь, волны,
и гарсон-араб картавит, что твой Бродский.

.....

Да, непросто, Таня, жечь сердца глаголом,
совершенным даже (а несовершенным —
бесполезно) – катим камнем на голгофу
(труд вполне сизифов!) наши прегрешенья.

Пусть живём мы розно в разных измерениях,
но покуда Богом нам дана отсрочка,
будет в наших жилах и стихотвореньях,
задыхаясь, биться та же, Таня, Почва.

На риск напишешь

«Сухая дэма на ветвях сидела»

В. Исаянц («Тема»)

На риск напишешь и на страх,
на дыбе той у мукогорья,
соединив ногайский шлях
и монастырское подворье,
витийство и чеканный слог,
богатство форм и бедность быта,
прелюдию и эпилог,
поэму и ее пиита,
и вечность – времени залог,
и неразменное корыто.

Валерию Исаянцу

Когда в июле вдруг не спится,
птиц предрассветны голоса
и ворожат вороженицы,
волхвы зайдут на полчаса
тебя задабривать дарами
и миром с Миром примирять, —
прими причастье в этой драме,
сжав авторучки рукоять.

Поэт

*«Мы есть во ржи. В предрожье, как воронка,
Воронеж дремлет...»*

В. Исаянец

В Воронеже, во ржи, во рже, иль в раже,
но режет дух божественный рожок,
и миражи клубятся, а мирАжи
густеют и ложатся между строк.

Дар первородства – верная улика:
не ели шёпот слыша – елекрик*,
не лыком шит, и вяжет он не лыко,
а вяжет смыслы, нёбо и язык.

.....

* «Елекрик» – окказионализм В. Исаянца

Музе

Простить тебя не просто мне —
тебе и ночи мало;
опять не смяты простыни —
ну где ж ты ночевала?
Кому покоя не давала,
кого терзала, как пила,
какому Данту диктовала,
с каким Вергилием пила?

Разговор читателя с поэтом

Поэт, лежа (не один) на оттоманке:

Он прав опять:
фонарьаптека,
подмостков нет, гул не затих.
Что я вручу тебе, Ревекка,
чтоб отличала от других, —
обрезанный под корень стих?

Читатель, проникая в будуар:

Лежишь с наложницей на ложе
на безымянном этаже
и куришь «Ноблес»*, о, блажен (!),
«ноблЕс облИж» – скажу, итожа,
а всюду лажа в неглиже:
верхи не хочут и не могут,
низам всё по фигу уже;
но ты для нас не пишешь, рожа,
и не стоишь на рубеже!

Поэт – меланхолично, но не без пафоса:

Лишь на просторах интернета
есть упоение в бою,

и виртуального м... нета
теперь я прелести пою,
еврейку чудную мою
люблю всё реже, чаще пью
и не творю, прости, for you.

Читатель, распаяясь:

Довольно, выйди из запоя,
что виртуальный нам м... нет,
восстань, пророк, и всё такое...
Покоя нет, уюта нет,
нет премии, и нет зарплаты,
сатрапы злобно нас гнетут —
возьми перо (ведь не лопату!),
твори, пока ещё дают.

Поэт покаянно:

Прости меня – свинью, заразу,
но тут такая, брат, фигня:
кобель не может по заказу,
а что касается меня —
нужны мне бабы, сигареты,
Бакарди, Хеннесси, Бурбон...

Читатель, стремительно направляясь к выходу:

Пока.

Не требует поэта
к священной жертве Аполлон!

Уходит, хлопнув дверью в сердцах.

Поэт – в расстроенных чувствах, но постепенно воодушевляясь:

Конец времён,
начало века,
темночь,
мглаголь,
не спи, поэт,
скрипи пером,
реви, Ревекка,
админ, – крути свой интернет!

.....

* «Ноблес» – сорт дешёвых израильских сигарет,
«Ноблес» курят в основном солдаты, заключённые и кибуц-
ники.

Песенка про поэта

Пусть поэт порой наивен,
но мотив его не прост,
а в душе – три птицы: Сирин,
Гамаюн и Алконост.

На просторах абиссиний
и во льдах, где лют норд-ост,
кровь его – три птицы: Сирин,
Гамаюн и Алконост.

Не красив и не всемогущ,
жизнь его юдоль и пост,
но в груди – три птицы: Сирин,
Гамаюн и Алконост.

Заклеймён толпой крысиной
«тунеядец и прохвост»,
только в нём – три птицы Сирин,
Гамаюн и Алконост.

С ним спускаясь в ад бастилий,
превращаясь в прах, в компост,
восстают три птицы: Сирин,
Гамаюн и Алконост.

И его под небом синим,
проводя на погост,
отпоют три птицы: Сирин,
Гамаюн и Алконост.

Слово мастера

«Это дело мастера Бо»

Б. Гребенищikov

Сестра моя – боль, ты в разливе, а Сена
застыла навек под мостом Мирабо.

Гекубе

(не спится ей без седуксена!)

есть дело до нас – дело мастера Бо.

Сестра моя – быль, как река, обмелела
и выцвела, словно кокотка Бобо,
но есть ещё небыль, есть слово и дело,
то самое дело, что мастера Бо.

Как Ли Бо

1

утонул в реке
жёлтый фонарик луны
как поэт Ли Бо.

2

как поэт Ли Бо
я ловлю отраженье
в глубокой реке

3

в глубокой реке
не утопить мне тоски
как Ли Бо – поэт

Зазеркалье междуречья

Зазеркалье междуречья:
здесь дозволенных речей,
обессиленный под вечер,
обрывается ручей
хищным клёкотом смартфона...
А в окне ливанский кедр,
и луна, как Персефона,
восстаёт из недр.

Поток сознания

«Останься пеной, Афродита...»

О. Мандельштам

1

Поток сознания – поток
незнания ни русла,
ни где исток, ни где порог,
ни где приток и устье.

Но как река без берегов
не может течь,
так он не может без оков —
закован в речь.

2

Когда не станет берегов,
в болоте отразится солнце,
и мысль, лишенная оков,
в тьму первозданную вернётся.

Заречье

Там, где слово человеческое
через реку бреда – брод,
расстилается заречье —
край туманов и болот,

край неведомых дорожек
и невиданных зверей.
Там печальный машет ёжик
стаям легких времирей.

По мотивам Булгакова

Ana Marantz

По мотивам Булгакова

Говорят, что на могиле М. Булгакова стоит чёрный камень «Голгофа», снятый в советское время с могилы Н. В. Гоголя.

1

Закончив «Понтия Пилата»,
с мирской расстался канителью,
и Гоголь, как родного брата,
укрыл его своей шинелью.

И встала чёрная Голгофа —
все та же —
и над этим прахом.
Такого не осилит Гофман —
здесь русский дух, здесь Русью пахнет.

Где куполов и шпилей
соседство – не пейзаж,
я буду твой Вергилий
и Данте буду наш.
Под гомон голубиный
под небом голубым
над небылью и былью
однажды – воспарим.
Увидит сон Иаков,
знаменье – Иоанн,
и Михаил Булгаков
нам посвятит роман.

Не стоит тратить слёз —
на этом вираже
голов нам не сносить,
надеясь напрасно.

Я – просто Берлиоз,
и Аннушка уже
сподобилась пролить
подсолнечное масло.

В ночь полнолуния
нам не до сна,
чашу безумия
выпьем до дна.

Страсть надвигается
тёмной волной,
в сердце вливается
морок ночной.

Господа око ли
в блеске луны
или монокль и
глаз сатаны?

5

Окно выходит в небеса.
Как сладко спишь ты, Маргарита.
Ты светишься нагая,
вся
лишь взглядом любящим укрыта.

Мы шабаш завершили наш,
ночь тает на твоих ресницах,
и медлит, медлит карандаш
над недописанной страницей.

6

Холодно в Киеве,
ночь в мироздании,
в воздухе Виєво
таєт дыхание.

В Киеве холодно,
мёрзнет эпоха,
по небу с Воландом
мчится Солоха.

Продолжение романа

Ершалаим.

Круто в гору вела раскалённая солнцем дорога.

Сладостный дым

обволакивал нас, как патриция римского – тога.

Страстью палим,

сорок лет я скитался в песках бесконечной пустыни.

Ершалаим,

ты паришь надо мной, но моей ты не выше святыни.

Эпилог

Знаешь, и в этом году
лето закончится в срок,
и – в путь-дорогу.

В райском бродили саду,
платим за это оброк
строгому Богу.

Что же нас ждёт за Рекой?
Лютая стужа?
Свет не про нас, а Покой —
он нам не нужен.

Былое и...

Поставь мне чёрную пластинку

Поставь мне чёрную пластинку —
сквозь скрежет времени услышу
я скрипку юности моей
и зрелости фортепиано,
и хриплый старости фагот,
и – тишину,
и тишину...

Марина

«Это было у моря...»

И. Северянин

Пустяк – недолгий дождь,
ночной пустынный пляж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.